

Сергей ПРОХАНОВ:

Моск. правда. — 1993 — 10 сев. — с. 7.

Театр Луны в Москве

Если честно, свою встречу с Сергеем Прохановым я представляла себе такой: уютный офис, Сергей, сидя в кресле, поливая крепкий кофе, с важным видом ведет беседу по радиотелефону. Каково же было мое удивление, когда увидела совершенно иную картину. Известный актер, весь в пыли и грязи, укладывает какой-то строительный мусор на носилки. Ничего из подделывал, строители строят-то строят, а убирать не хотят. И, соответственно, первый вопрос.

— Вы что, опять сменили профессию?

— Нет, это всего лишь субтитры к моему Театру Луны. Хорошее место, не правда ли? Площадь Маяковского, Трехпрудный переулок, недалеко от Театра имени Моссовета, в котором я и «родился». Так сложились обстоятельства, что надо было приостановить свою карьеру в театре, заняться каким-то новым, своим, делом, так сказать, вбить эссы колпашек на ниве искусства. И вот уже второй год полностью поглощен осуществлением этой идеи.

— А как сейчас складываются отношения в Театре имени Моссовета?

— Я ведь пришел в театр совсем молодым человеком, это мой единственный театр, а, как говорится, для мамы ребенка всегда остается ребенком. Это, когда переходишь в другой театр — приходишь звездой. А в родном театре, чтобы до седых волос не остаться мальчиком, чтобы перерастить себя, нужны были годы. И я, честно говоря, не захотел ждать и решил попробовать заняться своим делом. Так и появился Театр Луны.

— Название, разумеется, не случайное?

— Да, конечно. Все, что связано с мистическими, мистическими вещами, мне очень импонирует. Вади Луна — очень странная сила, она отличает удачу и ее непостоянство, гений и его неважность, популярность и ее ослепительность. Луна как бы контролирует и хорошие, и плохие дела, совершенные на Земле людьми. Поэтому-то и возникло целое направление.

— Но, как я уже убедился, ваше творчество связывает стрелка?

— Увы, взяв помещение в центре города, которое поначалу казалось вообще непригодным для чего, а тем более для театра. И вот уже второй год я вкладываю в него все силы, руки — мои и друзей. Очень хочется сделать что-то, как говорится, «прибалтийского» стиля — красивый, уютный, добротный, но очень маленький театр.

— Элитарный?

— В какой-то степени. Элитарный — это когда его посещает маленькая группа людей, публика, глубоко разбирающаяся в театре. Нет, мы хотим немного другого. «Просто их зрителей, у нас будет мало, но я надеюсь, что будут те люди, которым интересны именно наши спектакли, для которых захочется стоять и ставить новые постановки.

— С появлением своего театра у друзей стало больше или наоборот?

— К сожалению, с прежними друзьями как-то угасли отношения, но появились больше новых, деловых знакомств. Видимо, время такое... Могут сказать, что жить стало интереснее и веселее. Например, благодаря студии я стал итальянским коммунистом.

— ?

— В прошлом году мы с одним моим товарищем были в Италии — вели переговоры о заключении контракта. С нашей стороны был фольклорный ансамбль. Мода на все русское тогда еще не прошла, и мы стерлись «продать» этот коллектив как можно дороже. А итальянскую сторону представлял продюсер, чейм которого были, естественно, иные — как бы поменьше заплатить. И он избрал себе своеобразную точку опоры — якобы нельзя платить много де-

нег, так как наши девушки, а ансамбль был чисто женский, несут весте — аморальный образ жизни, перестанут работать. И как бы подождав беседу, он сказал: «Я, как коммунист Италии, не могу этого позволить. Вот если бы вы были членами КПИ, вы бы меня поняли». Наша реакция была быстрой: «Мы бы с радостью, если это поможет делу!» — сказал я, принимая его слова за шутку. Но он молча достал из стола пару партийных книжечек: «С вас десять тысяч лир, господа...» Вот так я и стал коммунистом Италии, и теперь я понимаю, почему КПИ такая многоголосая.

— Что-то уже воплотилось в жизнь из задуманного?

— Не могу сказать, что все, но в настоящее время сделано

уже не спектакль, а шоу, театральный концерт, где одно выступление плавно переходит в другое.

— А какова судьба этого спектакля?

— Пока несколько раз показывали его на сцене Театра имени Моссовета. Там есть все технические возможности. Хотя, конечно, для проката нужна более коммерческая площадка, более оснащенная и презентабельная.

— Насколько я знаю, сейчас у вас идут переговоры со шведской стороной по поводу долгосрочного контракта. Не жалко уходить со спектакля от родных зрителей?

— Я вообще считаю, что каждый спектакль должен изначально делаться на выезд. Это как бы подстегивает стремление к наивысшему качеству и профессионализму. Хотя часто бывает так, что готовишь спектакль за рубежом, а он приживается дома. К сожалению, мы сейчас переживаем не самый легкий период. Но стараемся собственными силами выжить, и не просто

конца. И вообще, он очень мил и симпатичен. И хотя ни у меня, ни у жены — она у меня юрист-международник — практики нет времени, на детей пожаловаться не могу.

— Сергей, а часто ли вы с женой ходите в театр как простой зритель?

— К сожалению, очень редко из-за отсутствия все того времени, да и потом, у меня те же проблемы с билетами, что и у всех. Я, конечно, могу позвонить друзьям и попросить у них, но им придется просить администратора и т. п. Из последнего, что я видел, очень поразила Дюссельдорфский театр, гастролировавший недавно в Москве. Люблю постановки Р. Виктока. Я ведь начинал у него — «Глоши счастья», «Вечерний свет», «Царская охота». Спектакль «Мадам Баттерфляй» считаю вершиной его творчества.

— А как вы реагируете, когда вас узнают на улице и шепчут: «Смотри, тут-то я!» Не обидно?

— Помню, раньше меня это очень задевало, я недоумевал.

уже два спектакля. Это очень своеобразный спектакль «Жуть», который мы «катали» года три, и «Иисус Христос-суперзвезда», где я играю роль Ирода.

А сейчас самое главное то, чем я занимаюсь в течение этого года. Это спектакль «Уникальный голос» с участием потрясающего певца Александра Подболова, бывшего артиста Театра имени Станиславского и Невро-ровича — Давиденко. Когда есть центр, а в центре есть уникальный тенор, которому сам Козловский торжественно отдал свою корону в знак своего преклонения перед его талантом, то можно и нужно было делать спектакли.

— В наше непростое время, когда как бы не до культуры, как вам удалось поставить такой дорогой спектакль?

— Совместно со шведами предприятия «БАКАС АБ», прожившие в спектакль немало денег, я думаю, не ошиблюсь, потому что спектакль действительно получился очень красивый, я бы сказал, шикарный. Хотя, конечно, было много проблем. Можете себе представить, как трудно было снять костюмы, оформить декорации, ведь цены в течение года менялись много раз. А в спектакле, где я, кстати, и режиссер, и продюсер, задействованы балет, музыканты, цыгане, целый оркестр. Одно платве героини обошлось тысяч в сто двадцать. Честно говоря, это да-

выжить, а прочно встать на ноги. — Поэтому-то вы и развели театр по нескольким направлениям?

— Да, у нас есть и группы варьете, которые мы отправляем за рубежом, и танцевальные коллективы, и, наконец, для детей, которых здесь почти 80 человек, создали хореографическую школу при центре.

— Вы им просто предоставляете помещение для занятий?

— Нет, наши планы намного шире. Мы, в сотрудничестве с известным стилистом Владимиром Кирсановым, руководителем этой школы, набираем детей с надеждой, что наиболее одаренные — это будущее нашего театра.

— А радуют ли успехи ваших дочерей? Они ведь тоже занимаются в этой хореографической школе?

— Ну, честно говоря, успехов это пока трудно назвать. Для своих тринадцати лет она достаточно музыкальна, ритмична, но я не думаю, что это будет главным в ее жизни. Последние время она стала как-то очень даже неожиданно хорошо рисовать. У меня все стены дома увешаны ее рисунками, что-то в стиле своеобразного импрессионизма... — А чем увлекается совсем взрослым, четырехлетний сын Антон?

— Это просто ураган, весь в отца. Уже сейчас всех поражает. Он, как я, в. если что-то задумал, доведет до победного

Ведь и до, и после этого фильма было много других работ. Как будто у меня нет других работ в театре, в кино. А сейчас выработался определенный защитный рефлекс — не обращаю внимания.

— Но, может быть, это и хорошо, что была такая роль, принесшая популярность?

— Да, в какой-то смысле она мне помогла. Хотя сейчас я практически не снимаюсь — нет времени из-за центра, да и смысла не вижу. Все фильмы куда-то пропадают. Бесследно, так и не дойдя до зрителя. Даже если это такой звездный фильм, как «Гений», где я сыграл очень интересную роль. Там и Абдулов, и Смоктуновский... А судьба фильма та же.

— Так все же, чего хочет актер, режиссер, продюсер Сергей Проханов, отпраздновав свое со-рокалетие?

— Что я хочу? Первое — чтобы дело мое было, находились бы спонсоры, талантливые актеры, умеющие петь и танцевать, поскольку я занимаюсь музыкальными спектаклями, чтобы наше государство было более благосклонно к культуре...

Во время нашей беседы у меня на коленях прыгало, прыгало урча, пушковый кот. Как я потом узнала, это в центре нильского его Лаксана Спонсор. Не правда ли, современная кличка?

Я. ЕВТЕЕВА.